

ШКОЛЬНОЕ ДЕЛО СРЕДИ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКИХ РЕФОРМ*

Светлана Борисовна БЕЛОГЛАЗОВА,
кандидат исторических наук

Реформы в области просвещения в 1860—70-х гг. явились переходным моментом в истории отечественного образования и важной составной частью модернизации российского общества. Отмена крепостного права в 1861 г., создание земских учреждений в 1864 г. и введение в 1870 г. во всех городах Российской империи нового городского положения стали основными факторами, определившими дальнейшее развитие народного образования в стране, вслед за которыми последовало издание Положений о начальных училищах 1864 и 1872 гг., учреждение инспекции народных училищ в 1869 г. и развитие деятельности Министерства народного просвещения по организации начального образования. В ходе образовательной реформы осуществлялся принцип, согласно которому просвещение народа являлось в равной степени делом общества и государства.

На Дальнем Востоке органы самоуправления возникли позднее, а общественные организации были традиционно слабы, поэтому накануне и в период реформ важную роль в развитии просвещения играли разные ведомства (духовное, военное и др.), а также инициатива частных лиц. Наибольший интерес в рассматриваемый период представляет история казачьих школ на территории Забайкальского казачьего войска.

Первое казачье учебное заведение (войсковая русско-монгольская школа) было открыто в 1833 г., по одним данным в Кяхте, по другим — в Селенгинске и в Троицкосавске¹. Юридически школа находилась в ведении Министерства внутренних дел, обучались в ней дети казаков бурятских полков 3-й конной бригады. В 1851 г. с преобразованием бурятских полков в Забайкальское казачье войско на основании 249 параграфа Положения о войске (от 17 марта 1851 г.) она была передана в ведение войскового правления и из Троицкосавска переведена в Селенгинск². Из-за финансовой неупорядоченности, вызванной перемещением и передачей в новое ведомство, она в 1852—1858 гг. фактически не функционировала. Решение о возобновлении работы было принято генерал-губернатором Восточной Сибири 24 сент. 1858 г. по ходатайству наказного атамана Забайкальского казачьего войска. Согласно официальным данным из Всеподданнейшего отчёта генерал-губернатора Восточ-

* Статья подготовлена при поддержке грантов № 09-1-ОИФН-02 и № 09-III-A-11-557.

ной Сибири на территории войска в 1858 г. было открыто 46 казачьих школ³, из них 6 полковых (включая русско-монгольскую) и 12 батальонных. По числу открытых в этом году учебных заведений и количеству обучавшихся в них учеников войсковое правление далеко опередило Министерство народного просвещения и духовное ведомство (см. табл. 1).

Таблица 1

Учебные заведения	Кол-во учебных заведений	Кол-во учащихся (чел.)
Уездные училища	2	119
Приходские училища	9	372
Духовные уездные училища	1	94
Духовные приходские училища	4	51
Казачьи школы	46	1159
Всего	62	1795

Источник: ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 64. К. 1736. Л. 85 об.

Численность казачьих школ не была стабильной. По разным причинам одни закрывались, другие открывались. Так, в 1859 г. их число сократилось за счёт поселковых школ более чем в два раза по сравнению с предыдущим годом, что, по всей видимости, было связано с массовым переселением казачьих семейств из Забайкалья в Приамурье. На территории Забайкальского казачьего войска осталось 230 учеников, обучавшихся в 19 школах, из которых 18 были штатными полковыми и батальонными⁴.

Однако уже в 1860 г. военный губернатор Забайкальской области Жуковский отчитывался за 235 казачьих школ, в которых обучались 4035 чел.⁵ Открытие в казачьих станицах более двух сотен новых учебных заведений произошло по инициативе казачьей общественности. В 1867 г. в контексте общей реформы образования был подготовлен законопроект стимулирующего характера. Согласно его основным положениям восковому населению предоставлялась возможность открывать мужские и женские сельские училища, причём, если в общество входило несколько деревень, то можно было иметь или общую школу, или в каждом селении свою⁶.

Штатные школы содержались на средства войскового правления и окружного интендантского управления Восточно-Сибирского военного округа. Войсковое правление выделяло помещения под школу и в некоторых случаях средства на содержание учеников, обеспечивало инвентарём. Труд преподавателей оплачивало окружное правление. Однако выделяемые суммы были довольно скромными. Поэтому в 1860 г. полковник Мюллер возбудил ходатайство о закрытии двух полковых школ в 3-й конной бригаде, каждая из которых ежегодно обходилась казне в 130 руб.⁷ (Затраты по приобретению учебных пособий на отопление и освещение лежали на казачьих обществах).

Наиболее благополучной, хотя и весьма нестабильной в материальном отношении, была ситуация в полковой русско-монгольской школе. До её перевода в Селенгинск школьный бюджет формировался из добровольных

пожертвований казаков бурятских полков. В 1851 г. «пожертвованные капиталы» составили 5419 руб. 48 коп.⁸ После перевода их приток иссяк, и войсковое правление выдвинуло идею обязательного уравнительного сбора с казаков. Однако этому воспротивился генерал-губернатор Н.Н. Муравьев, который настоял на том, чтобы воспитанники русско-монгольской школы содержались только на добровольные пожертвования.

В 1853 г. согласно штатному расписанию на содержание 24 учеников в год требовалось 1450 руб. На счету школы в это время было 804 руб. 29 с половиной копеек, из которых 672 руб. 55 коп. — средства казны, а 131 руб. 74,5 коп. — ежегодные проценты с собственного капитала школы, хранившегося в билетах иркутского приказа общественного призрения и в наличных деньгах (в количестве 8783 руб. 4 коп.). Недостающую сумму в 646 руб. предполагалось покрыть за счёт уравнительного сбора с казаков 3-й конной бригады, но в год открытия школы был хороший урожай, расходы на питание учеников сократились и от этого сбора отказались.

В начале 1860-х гг. цены на продукты резко возросли, увеличились и расходы на питание учеников. У школы появились серьёзные долги: в 1863 г. ветхое учебное здание продали с аукциона, и лишённая собственного помещения она была переведена в дом командира 5-го полка, что не улучшило ситуацию, так как до конца 60-х гг., пока войсковое правление не выделило здания, копились долги за арендную плату. В 1869 г. было решено снять с основного капитала школы более 2000 руб. в счёт погашения долгов за аренду помещений, а с 1871 г. начать ежегодный сбор с казаков 3-й конной бригады в сумме 650 руб.⁹

Финансовая развёрстка, видимо, вызывала далеко не однозначную реакцию среди казаков, учитывая, что традиционные затраты по отоплению, освещению и пр. с них никто не снимал. По этому поводу и.о. губернатора Забайкальской области Б.А. Милютин выступил перед казачьей общественностью с обращением: «Желал бы я, чтобы казачье население, коему всемилостивейшее даровано самоуправление, употребило это право не во вред, а с пользой себе и грядущим поколениям, а как распространение народного образования представляется одним из существеннейших к сему способов, то чтобы оно содействовало ему всеми зависящими от него средствами. Ученье — свет, а неученье — тьма. Пусть же не жалеет население затрат на школы; этого рода затраты окупятся в будущем»¹⁰.

Дефицитными были бюджеты и батальонных школ (по официальным спискам в 1872 г. их функционировало 12), на содержание которых войсковое правление отпускало средств меньше, чем полковым. Однако по донесению в Восточно-Сибирский учебный округ первого инспектора народных училищ в Забайкальской области барона А. Майделя реально работали только 9 батальонных школ: Шелопугинская, Донинская, Красноярская, Сре́тенская, Ундинская, Новотроицкая, Торгинская, Кударинская и Харацайская. Кайдаловская, Аргунская и Ломовская были закрыты из-за отсутствия учителей, отказавшихся работать за мизерную зарплату, которую им платило правление. В Ломовской школе учитель получал 96 руб. в год (8 руб. в мес.). Кайдаловскую после её закрытия войсковыми властями взяло на содержание

казачье общество, которое платило учителю 180 руб. в год (15 руб. в мес.), что считалось высокой оплатой. Однако через год учитель всё же отказался работать, и учебное заведение снова закрылось¹¹.

По данным А. Майделя, на содержание 12 батальонных школ войсковое правление отпускало 1165 руб. 44 коп. в год¹², т.е. в среднем на каждую приходилось около 88,5 руб., на которые покупались учебники и выплачивалось жалованье законоучителю и учителю. Помимо этого каждой школе войсковое правление выделяло ежегодное пособие по 80 руб. — для 10 беднейших учеников по 8 руб. каждому. Такие же пособия выплачивались и в полковых школах, возникших при военном губернаторе генерал-майоре Жуковском. Они продолжали численно увеличиваться также при его преемнике генерал-лейтенанте Дитмаре, который требовал, чтобы в каждом селении было своё учебное заведение. Поселковые школы называли «частными», так как они находились на полном содержании членов казачьей общины. Их бюджеты формировались либо за счёт родителей обучавшихся детей, либо по развёрстке со всех домохозяев. В начале года составлялись так называемые «наряды», когда на общественных сходах казаки составляли приговоры о всех детях, которым предстояло обучение. На их основании готовились ежегодные статистические отчёты для вышестоящего начальства по всему войску. Правда, не везде следили за посещением детей, вступивших в наряд. Были случаи, когда их собирали, если кто-нибудь из начальников, проезжавших через станцию, намеревался посетить школу¹³.

Дефицитность школьных бюджетов, отражавшая ошибочное стремление к экономии, стала причиной несистематизированной постановки учебного процесса, часто зависевшего исключительно от познаний учителя. На учебные пособия в полковых и батальонных учебных заведениях отпускались незначительные денежные суммы, поэтому учителя обращались к частным пожертвованиям. Недостаточный образовательный уровень большинства учителей приводил к тому, что собранные суммы в большинстве случаев расходовались непроизводительно. Учебные пособия выписывались бессистемно: учителя руководствовались случайными каталогами, так как не имели возможности предварительно ознакомиться с выписываемыми материалами. При посещении полковых и батальонных школ А. Майдель обратил внимание на разноречивость в учебниках. Редко можно было встретить 10 или 15 учебников одного и того же автора. Из-за разницы текстов не могли проходить совместные занятия. Во время уроков чтения учитель мог работать только с одним или несколькими учащимися, остальные бездействовали. Кроме того, иногда выписывались учебники, содержание которых не соответствовало возрасту детей. Из такой не соответствующей детскому уму литературы комплектовались и школьные библиотеки.

В конце 60-х гг. приток частных пожертвований сократился, и закупка новых учебных пособий практически прекратилась. Интенсивная эксплуатация старых учебников превратила их, по выражению А. Майделя, в «лохмотья», когда вся книга могла состоять из нескольких листов¹⁴.

Как правило, в полковых и батальонных школах преподавали урядники, приходские священники, реже — отставные мелкие чиновники. Так,

в Олочинской полковой школе работал дьякон Стуков, в Богодатской — урядник Фёдор Марков. Они, по мнению окружного инспектора, вполне удовлетворительно организовали учебный процесс¹⁵. В Донинской батальонной школе учителем был урядник Алексей Корелин, в Шелопугинской, Красноярской и Харацайской — преподавали казаки Сергей Скуратов, Стефан Громов и Евгений Бурсаковский, в Сретенской и Кударинской — «отставной канцелярский служитель Ключевский» и коллежский регистратор Ключихин¹⁶. При текучести кадров постоянно ощущался недостаток учителей. Главная причина этого уже тогда была ясна — низкая плата за нелёгкий труд. Большинство преподавателей в полковых и батальонных школах получали 34 руб. 65 коп., или 100 руб. в год, и лишь немногие — 200 руб.¹⁷ Задача подыскать учителя для школы лежала на казачьем обществе. В таком случае вмешивалось правление с указанием, откуда можно пригласить учителя. Какой бы скромной ни была оплата труда учителя в штатных учебных заведениях, она всё же значилась определённой и стабильной. Совсем в другом положении были учителя поселковых казачьих школ. Они не получали гарантированного войсковой казной «жалованья», а сами собирали плату с родителей своих учеников, которая составляла от 15 до 30 коп. в месяц с каждого¹⁸. Довольно часто вместо денег родители платили продуктами, дровами, водкой и др.

В зависимости от условий выработался особый тип поселкового учителя. Лучшими в казачьих общинах считались отставные от службы грамотные казаки пожилого возраста и добропорядочного поведения, так называемые «старички», которых родители предпочитали более молодым учителям. Среди них попадались пьющие или случайные люди из отставных, а также выгнанные со службы мелкие чиновники. Были случаи, когда должность учителя стремились занять сыновья поселковых казаков, чтобы уклониться от действительной службы, так как на основании положений о войске казаки-учителя освобождались от её прохождения¹⁹.

А. Майдель довольно прямолинейно называл условия существования поселковых школ «шаткими», а средства «...по большей части до того недостаточными, что лишь очень немногие из них приносили хоть какую-либо пользу»²⁰. Что же касается самих казаков, то, похоже, эти школы их вполне устраивали. Чиновники из учебного округа несколько раз ставили вопрос о закрытии поселковых школ в силу их «несостоятельности», но так и не закрыли, опасаясь возмущённой реакции со стороны казаков, которые расценивали это как нежелание правительства распространять среди них грамотность²¹.

Таким образом, в период реформ на территории Забайкальского казачьего войска сформировалась сеть учебных заведений для казачьего сословия. Началось всё с инициативы прогрессивной местной власти и развивалось в дальнейшем благодаря движению казачьей общественности, озабоченной будущим своих детей. 31 мая 1872 г. вышло постановление Государственного Совета, согласно которому полковые и батальонные школы казачьего войска передавались в ведение Министерства народного просвещения. С этого периода начинается новый этап в истории казачьих школ, рассмотрение ко-

того не входит в задачу данной статьи. Тем не менее представим некоторые предварительные соображения о последствиях смены ведомственного подчинения для казачьих школ. Перевод школ в Министерство народного просвещения, безусловно, улучшил материальное положение учебных заведений — целевое финансирование из государственной казны стало постоянным и верным источником их существования. К примеру, бюджет русско-монгольской школы вырос до 1900 руб., а зарплата учителей — до 700 руб.²² Увеличение финансирования открыло перед учебными заведениями новую перспективу систематизации образования и формирования нового корпуса квалифицированных учителей.

Передачу казачьих школ в ведение Министерства народного просвещения можно считать проявлением кризиса, вызванного недостатком материальных и финансовых ресурсов у казачьих общин, необходимых им для содержания и развития своих школ. Таким образом этот кризис явился следствием поступательного развития системы казачьего образования в период реформ, сделавшего доступным начальную школу для подрастающего поколения казаков.

¹ Константинов А.В., Константинова Н.Н. История Забайкалья (с древнейших времён до 1917 г.). Чита: АНО «ЦНОП», 2002. С. 198; Коваленко А.И. Культура казачества восточных окраин России (XVII — начало XX в.). Благовещенск, 2008. С. 123; Линьков А. Из истории народного образования в Забайкальской области до 1872 г.// Сибирский архив. Иркутск, 1912. № 5. С. 372.

² Линьков А. Указ. соч. С. 372.

³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 64. К. 1736. Л. 85 об.

⁴ Там же. Д. 111. К. 1738. Л. 91; ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 132. К. 1739. Л. 27 об.

⁵ Там же. Д. 132. К. 1739. Л. 27 об.

⁶ Коваленко А.И. Указ. соч. С. 124.

⁷ Линьков А. Указ. соч. 1914. № 3/4. С. 167.

⁸ Там же. 1912. № 5. С. 372.

⁹ Там же. С. 374.

¹⁰ Там же. 1914. № 3/4. С. 167.

¹¹ Там же. С. 168.

¹² Там же. С. 169.

¹³ Там же. С. 172.

¹⁴ Там же. С. 170.

¹⁵ Там же. С. 168.

¹⁶ Там же. С. 168—169.

¹⁷ Там же. С. 171.

¹⁸ Там же. С. 173.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 174.

²² Там же. 1912. № 5. С. 375.

SUMMARY: The author of the article “The History of Cossack schools in Transbaikalye (the 60–70s of the 19th century)”, Candidate of Historical Sciences Svetlana B. Beloglazova tells about spreading of education among the Cossacks of Transbaikalye during the Great Reforms and represents new scientific materials.